

МИХАИЛ
КОЛОСОВ

ТРИ
КРУГА
ВОЙНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИ КРУГА ВОЙНЫ	3
СРУБИЛИ БЕЛУЮ АКАЦИЮ	407

Михаил Макарович Колосов

ТРИ КРУГА ВОЙНЫ

М., «Советский писатель», 1984, 464 стр

План выпуска 1984 г № 69

Редактор *Н. Б. Комарова*

Худож редактор *Е. Ф. Кипусти*

Техн редактор *Ф. К. Шалифо*

Корректоры *С. И. Крягина* и *Т. В. Малышева*

ИБ № 4283

Сдано в набор 02.08.83 Подписано к печати 04.01.84
А 02404 Формат 84×108 1/32 Бумага тип № 2 Литературная гарнитура Высокая печать Усл печ л 24,36
Уч изд. л 26,10. Тираж 200 000 экз Заказ № 556

Цена 1 р. 90 коп

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва,
ул Воровского, 11

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г Тула, проспект Ленина,

Михаил Колосов

**ТРИ
КРУГА
ВОЙНЫ**

Повести

Москва • Советский писатель • 1984

К 61

Колосов М. М.

Три круга войны: Повести. II мас. изд.— М.: Советский писатель, 1984.— 464 с.

В повести Михаила Колосова «Три круга войны» рассказывается о судьбе советского воина в годы Великой Отечественной войны. Повесть «Срубили белую акацию» — о наших современниках.

4702010200—007

К ————— 69—84

083(02)—84

Р 2

ТРИ КРУГА ВОЙНЫ

Повесть

ПРОВОДЫ

Котступая, немцы свирепствовали: жгли, грабили, мужчин угоняли или расстреливали.

Когда загремел, приближаясь, фронт, Васька Гурин побежал было навстречу нашим, чтобы перейти линию, но не сумел. В кукурузе возле третьего отделения совхоза «Комсомолец» его поймали конные немецкие патрули и привели в хутор, обыскали до нитки — ничего подозрительного не нашли. «Куда шел?» — «В Славянск за солью». — «Откуда?» Сказал. Все верно. Версия — за солью в Славянск — самая правдоподобная: соли, как и хлеба, не было, и люди шли добывать ее в Артемовск или в Славянск.

Во время допроса Гурина в хату ввели израненного, в окровавленных бинтах немца. Он стал что-то докладывать, и тогда офицер приказал увести Гурина. Его вывели на улицу, толкнули под развесистый дуб, где уже сидело человек пятнадцать хуторских мужиков.

Минут через двадцать их всех подняли, и два немца — один впереди, другой позади — повели по дороге на запад. Вот уже миновали и родной Васькин поселок... Он попытался было объяснить конвоирам, что это его родной поселок, что там мать его ждет, но они заорали на него, автоматом пригрозили.

Перешли через железную дорогу. Тут за насыпью немцы оборону заняли — пулеметы установили, противотанковый ров отрыли. А через переезд валом валят немецкие машины, мотоциклы, артиллерия, пехотинцы. Кричат, торопят один другого. По всему видно — отступают.

За переездом маленькая колонна гражданских русских мужиков почти смешалась с немецкой пехотой. Конвоиры ослабили

надзор, идут вдвоем впереди, лишь изредка оглядываются на пленных.

«Бежать! — решил Гурин, и сердце забилося испуганным воробьем, подскочило к самому горлу, перехватило — не продохнуть. — Бежать! И — сейчас!..» Он чуть приотстал от колонны и, схватившись за живот, направился в посадку, на ходу расстегивая ремень, — делал вид, что его приперла нужда. А сам ждал окрика или... выстрела. Но вот он уже в кустах, а ни того, ни другого не услышал. Быстро присел, оглянулся — удаляется колонна, его никто не преследует — и рванул на другую сторону посадки, в кукурузу. Побежал... Бежит изо всех сил и все ждет: вот-вот в спину полоснут автоматной очередью...

Совсем уж выбился из сил, упал, отдышался немного и дальше подался.

Увидел, на полевой дороге тачка стоит и две женщины к ней кукурузу носят. Присмотрелся — узнал: с Чететкиной улицы тетка с дочкой обирают початки на своей делянке, подошел, спросил: как там? Да как: мужиков, какие не сумели попрятаться, всех похватали. Немцев в поселке уже нет, только шляхом войско густо идет. Вдоль дороги патрули на конях разъезжают.

«Опять патрули!.. Куда же деваться?..»

— Теть, дайте вашу юбку и платок, и вместе тачку повезем...

— А как доглядят? Всех порешат... — Но сняла юбку, сама осталась в нижней, платок развязала. Обрядился Гурин в женское, платок пониже на глаза надвинул, впрягся в оглобли, поехали.

Уже вот-вот, совсем близок переезд. Не тот, где основная дорога, другой, безлюдный. Еще одно усилие, и они на той стороне. И вдруг откуда ни возьмись двое в касках на лошадях догоняют. Мчатся рысью, пыль из-под копыт, будто дымок от выстрелов, вылетает. Догнали, поравнялись. Кони крупные, сытые, шерсть на них блестит, кожаные седла поскрипывают. Догнали... И — мимо, помчались дальше... Не верится: неужели пронесло? С удвоенной силой потянул Васька тачку на переезд, застучали колеса по булыжнику, по шпалам, по рельсам... Одни пути переехали, другие, третьи... Сколько их? Раньше как-то и не замечал... Скорее бы с насыпи, а то маячат, как нарочно, на самой верхотуре.

Наконец переехали, вниз тачка сама понеслась, только держи. По пустынной улице покатали торопливо. Тетка держится за оглоблю, бежит сбоку, девочка сзади. На повороте, где дождевая промоина небольшим оврагом делила огороды надвое, Васька выпрягся и побежал оврагом домой.

Оврагом, ручьем, вербами, садами, чужими огородами прибежал

домой. А мать лежит: кто-то видел, как Ваську с хуторскими мужиками немцы через поселок гнали, и передал ей.

— Вася! Сыночек!.. Цел?!

А Ваське не до радости — надо спрятаться понадежней. И придумал: в картофельную яму. Она за сараем, хмызом разным прикрыта, не видна, и мало кто о ней знает.

Думал ночь одну перебыть, а оно уже третьи сутки коротает. Весь пропитался сыростью и гнилым картофельным духом. Сидит, прислушивается к звукам на воле. Хотя младший братишка Алешка и носит новости, но ему все кажется мало, хочется знать больше. А откуда мальчишка добудет их?

Сидит Васька в яме, в спокойные минуты перематывает свою недолгую жизнь, да не всю, а главным образом последние два года, кошмарные годы оккупации.

В сорок первом он только кончил десятилетку. Перед ним открывалась дорога в жизнь, которую он уже давно определил: «Буду летчиком!» И в военкомате, как допризывник, он был зачислен в школу ВВС. Все складывалось отлично.

В ночь под двадцать второе июня у них шумел выпускной вечер.

Было уже далеко за полночь, а вечер только еще разгорался. На баяне играл Васькин дружок Жек Сорокин — хорошо играл, вдохновенно! Пробежав уверенно по кнопкам сильными, с длинными острыми ногтями, хищными пальцами, он с первого аккорда ударил танго «Люблю»

Моя любовь не струйка дыма,
Что тает вдруг в сиянье дня
А вы прошли с улыбкой мимо
И не заметили меня .

Васька пригласил на танец Валю Мальцеву — давнюю свою тайную любовь. Осторожно вел ее, дышать боялся, раза два наступил ей на ногу, смутился. А потом осмелел, смотрел ей в глаза, улыбался молча и машинально перебирал ее пальцы в своей руке, будто пересчитывал. В какой-то момент он сжал их крепко и нежно, Валя опустила глаза.

— С вами легко танцевать, — сказал он.

— И с вами .

Сделав незаметный переход, Жек заиграл быстрый танец «Рио-Рита» — любимый Васькин фокстрот. Не выпуская из рук партнерши, Гурин схватил ее покрепче и понесся в быстром темпе по залу. С Валей ему действительно танцевалось легко: она была послушна, заранее угадывала его намерение.

Разгорячился Васька, куда и робость девалась — кружит Валю, носится вихрем по гладкому полу.

Лихо играет на баяне Жек, с задором, чувствует настроение ребят. Видит — подустали, и тут же с аккорда на аккорд, и уже льется новая мелодия — танго «Брызги шампанского». Ах, что за танго! Рвет оно Васькино сердце на части, смотрит он на Валю, губы его дрожат — хочет что-то сказать ей, не решается...

И вдруг медленно, как в кинозале перед сеансом, стали меркнуть лампочки. Примеркли, посветили тускло немного и погасили... Будто по заказу влюбленных...

— Валя, я люблю вас... — воспользовавшись темнотой, прошептал Гурин.

— Не надо... — сказала она.

— Люблю... — и он потянулся к ней, чтобы поцеловать. Она поняла его намерение, отвернула голову в сторону, и он ткнулся неловко горячими губами ей в щеку у самого уха.

Перебой со светом в поселке были явлением не таким уж редким, поэтому на него никто особо и внимания не обратил. Вскоре появились свечи, керосиновые лампы, хранившиеся про запас для таких случаев, и вечер продолжался.

В шесть утра заговорило радио, и полились из репродуктора военные марши. Бодрые, духоподъемные, они сначала так и воспринимались, но постепенно повеяло от них какой-то тревогой, и эта тревога вскоре стала заметна на лицах директора, учителей, а потом и выпускников.

И только в двенадцать часов марши прекратились и зазвучали позывные. Долго, тревожно сзывали они к репродуктору слушателей, а их и сзывать не надо — все и без того давно уже ждали какого-то важного сообщения.

— Говорит Москва! — раздался густой, взволнованно-твердый голос диктора.

Война!..

Дня не прошло, Гурин, взвинтив себя и Жека, подался в военкомат. Там он добился — у них приняли документы и выдали повестки, которые обязывали явиться на другой день к двум часам, имея при себе ложку, кружку и суточный запас харчей. Но Жек к назначенному часу не пришел. И в списках его почему-то не оказалось. Гораздо позднее Гурин узнал, что в военкомат прибегала мать Сорокина с медицинскими справками и взяла Жекин паспорт обратно.

Так Гурин остался без друга, и во всей колонне не было ни одного знакомого...

Однако в боевую часть Гурин не попал. Где-то за Ворошиловгра-

дом их колонну расформировали и его и других молодых ребят направили на оборонительные работы. Копали противотанковые рвы под Лозовой, пока не выяснилось, что немцы уже далеко в тылу. И тогда приказали разбегаться кто куда. А куда? Стал прибаваться домой.

Во время оккупации он скрывался от полицаев, от сотских, избегал разных мобилизаций, но не был затворником, не отсиживался. По вечерам собирались друзья-одноклассники, делились скудными новостями о событиях на фронте. Друзей, правда, осталось немного, рассеялись кто куда. Валя с родителями успела эвакуироваться, Жек быстро нашел общий язык с немцами, вместо баяна завел аккордеон, разучил их песенки «Лили-Марлен», «Розе-Мунд», фокстроты и веселил оккупантов своей музыкой.

Гурин на тайных вечеринках читал друзьям свои антифашистские стихи, пародии на немецкие песенки, новые, сочиненные им слова на популярные советские песни. И от этого все были так горды, будто они совершали какое-то большое патриотическое дело.

Первая зима была холодной и голодной, и Васька то с матерью, то с Алешкой ходил на колхозное поле, выдалбливали из-под снега мерзлую картошку, свеклу, морковь. Однажды они с Алешкой нашли запутавшуюся в бурьяне советскую листовку. В листовке была напечатана недавняя сводка Совинформбюро. Не помнит Гурин, чтобы когда-нибудь что-то взволновало его так сильно, как эта листовка! И они стали собирать по полю голубые листки, принесли и разбросали их в поселке. Потом это занятие для них стало постоянным.

А однажды Гурин выполнил даже серьезное задание подпольщиков.

В Ясиноватском депо работал паровозным слесарем один наш пленный. Его надо было освободить — под предлогом, что он болен и что его родина находится на оккупированной немцами территории. Комендант соглашался отпустить его, но требовал найти замену. И вот Гурину дали биржевое направление, где значилось, что он Lokschlösser. Под вымышленным именем и фамилией, с липовым ясиноватским адресом пришел Гурин с этой бумагой в депо. Посмотрел на него комендант недоверчиво — молод уж больно, спросил, где работал слесарем. Сказал: «Здесь, перед войной, два месяца». Ответ походил на правду, в голосе была уверенность. А уверенность была оттого, что Гурин действительно работал здесь в Западном парке одно лето до войны, только не слесарем, а техническим конторщиком, а точнее — списчиком вагонов.

Оформили Гурина, выдали на неделю продуктовые карточки. Пленного отпустили. А Гурин, поскольку Loxschlösser он был никакой, не умел даже напильник в руках держать, на третий день на работу не вышел.

Пленного, которого он выручил, звали Костей. Только это и знал он. И лишь много лет спустя, после войны уже, узнал фамилию его, узнал, что он был командир Красной Армии, что его освободили, чтобы переправить через фронт, и действительно переправили. Узнал он и то, что Костя после войны остался жив, был несколько раз ранен, жил в Калининграде, искал Гурина, чтобы встретиться, и не нашел. Обо всем этом Гурин узнал, к сожалению, только через год после смерти Кости.

Последнее лето Гурин работал в совхозе. Управляющий хоть и был немецким ставленником, но, наверное, не совсем потерял совесть: молодежь не выдавал.

Так прошли почти два долгих года, когда наконец стали доноситься глухие вздохи фронта, — наши теснили немцев, близилось освобождение.

И вот он сидит в яме и ждет его, ждет с минуты на минуту, а оно задерживается. Гудит земля, иногда такая канонада поднимается, что даже глина со стен ямы сыплется на голову, а фронт все ни с места, застрял.

И вдруг радостный крик Алешки:

— Васька, вылезай! Наши пришли!

Мигом разбросал маскировочный бурьян, хворост, крышку тяжелую свернул набок.

— Вылезай! Скорей!

— А точно? — все еще не верит Васька в свое освобождение.

— Сам видел — по шляху танки идут, а на Симбику — машины, красноармейцы! В погонах! — рассказывал Алешка.

«А вдруг то не наши? Мало ли кого немцы понагнали сюда: то румыны были, то итальянцы, то словаки с красными петлицами, как у наших, то власовцы, то полицаи, то казаки, то какие-то с белыми нашивками на рукавах, а на этой нашивке пальма и полукругом надпись «Turkistan»... Не ошибся ли Алешка?..»

— В погонах, говоришь?

— Ну да! Наши же теперь в погонах.

Верно, он слышал об этом новшестве в нашей армии.

Вышел Васька на волю — день солнечный, тихий, теплый. Пахнет ранней осенью — яблоками, сухой травой, первым палым листом. Выглянул за ворота и увидел на еще пустынной улице солдата. Нашего солдата! Идет он по тротуару в выцветшей пилотке со звездочкой, на груди автомат с большим дисковым магазином,

в плащ-накидке. Идет так себе, не спеша, спокойно, чуть вразвалочку. На другой стороне улицы, чуть приотстав, второй шествует — тоже не торопясь.

Увидел Гурин солдат, и забилося сердце. Точно так же оно билось три дня тому назад, когда бежал от немцев, — так сильно и тревожно, но теперь не от страха, а от радости. И не знает он, что делать: то ли навстречу солдату бежать, то ли своих звать, чтобы посмотрели. А солдат все ближе и ближе. И видит Гурин, что солдатик-то совсем молоденький, моложе его самого, и росточком пониже, и нахлынуло на Гурина чувство стыда, неловкости перед солдатом: тот воюет, освобождает его, а он стоит в легкой рубашке у ворот дома...

А солдат уже — вот он, совсем близко подходит, смотрит на Гурина настороженно.

— Здравствуй, — сказал ему Гурин и сам не узнал своего голоса. — Наконец-то дождались!..

Солдат устало кивнул и прошел мимо.

А вскоре все улицы заполнили военные — одни шли или ехали, не останавливаясь, другие расквартировывались, будто надолго, но оказалось — только на несколько часов: снялись быстро, пошли дальше, их сменили другие.

И был в поселке сплошной большой праздник. Хорошо — пора чудесная: конец лета, было чем угощать освободителей. На улицу выносили арбузы, дыни, фрукты, помидоры. Идут ли, едут ли солдаты — уже руки полны угощениями, нет, не проходите мимо, не обижайте, отведайте нашего.

С интересом смотрели на новую форму, разглядывали появившиеся погоны, немного смущались и даже пугались их — уж больно похожи на погоны старой армии, — с трудом привыкали к новым званиям: «солдат», «офицер» — все, казалось, «не прилипало» к нашей армии.

Алешка носился как угорелый — все хотелось знать, все увидеть, все пощупать. Таскал солдатам что мог: побуревшие, но еще твердые, как галька, сливы из своего сада, скороспелую сладкую терновку из соседского, помидоры; зазывал в дом умыться, отдохнуть, воды напиться. Пялил глаза на погоны офицеров, просил потрогать автомат у солдат. Василий одергивал младшего брата, хотя и самому, не меньше Алешкиного, хотелось поддержать оружие своими руками. Очень хотелось, но стеснялся, сдерживал свой порыв, чувствовал себя неловко оттого, что не в армии. И хотя его никто не спрашивал ни о чем, не упрекал, он тем не менее при каждом удобном случае старался оправдаться, рассказывал, как жил, чем занимался во время оккупации.

Гурин показывал свои стихи политработникам, те читали, хвалили и возвращали тетрадь. Гурин умолял военных взять его к себе в часть, но те отвечали, что не имеют права, советовали обратиться в военкомат.

Военкомат начал работать только на другой день после освобождения. Гурин первым сдал свои документы и получил повестку.

И снова матери беспокойство, волнение: не думала она, что все случится так быстро, заметалась, собирая сына в дорогу. «Опять — провожай... Вот доля материнская — всегда провожать, а придется ли встречать...» — и про себя и вслух причитала она. Гурин сердился на мать: как она понять его не может?

— Да понимаю, понимаю, — говорила мать, вытирая слезы и глядя на него влажными глазами.

— А смотришь, как на покойника.

Силилась не плакать, а слезы сами набегали, застилали глаза, и лицо сына расплывалось, как в тумане.

Первая колонна новобранцев вышла из поселка, и в первой ее шеренге шел Гурин. Весело помахал рукой матери, Танюшке, Алешке, прокричал:

— До свиданья, мама! Таня, Алеха, выше головы!

Задергались губы у Алешки, но крепится, а Танюшка не сдержалась: как роднички, быстро наполнились влагой ее большие черные глаза, она хотела сморгнуть слезу длинными ресничками, да реснички не осилили столько слез, и потекли они по щекам, в рот попали — соленые. Всклинула и разревелась вместе с матерью.

— Ну вот!.. — Василий покачал головой, отвернулся: жгут их слезы душу, рвут на части. «Уж возвращались бы домой скорее, что ли?» — Мама, вертались бы вы уже... Хватит провожать.

Отмахнулась мать решительно:

— Не выдумывай! Люди идут, а мы вернемся?

Когда уже через переезд перешли и направились по дороге на Песчаный хутор, толпа провожающих стала редеть. Отстали и мать с Танюшкой. Распрощались, сошли на обочину и остановились.

Оглянется Гурин, а они все стоят... И так, пока не скрылись за бугром.

А Алешка не отстал, до самого Песчаного плелся следом. Там, на привале, Василий уговорил братишку вернуться. Послушался тот, распрощался, побежал домой. Тем более новость матери понес: ночевать новобранцы будут в Марьинке.

Ушел Алешка, и тоска перехватила Ваське горло: оборвалась последняя ниточка. Все, остался он один... Совсем один. Даже никого из знакомых во всей колонне нет. Сгруппил Гурин: слишком

торопился сдать документы, даже никого из друзей-одноклассников не встретил перед тем, как бежать в военкомат. Иван Костин, Миша Белозеров — где они? Вот бы хорошо вместе! Жек Сорокин... С этим дружба давно поломалась. Еще с тех пор, как он в сорок первом увильнул от мобилизации. Да и потом он таскался с баяном по вечеринкам, веселил оккупантов...

Гурин огляделся — никого из знакомых, как нарочно... Нет, вон вроде встречал где-то! Точно! Это же младший брат Митьки Сигая. Того самого, что дядю Гаврюшку в драке по лицу ножом полоснул. Да и этот не лучше: когда-то он с дружками встретил Ваську в глухом переулке и сорвал с его ног коньки. А коньки были новенькие, только три дня, как подарил ему их младший материн брат Петро...

Присмотрелся — точно, он, Сигай. Кажется, Вовкой зовут... Не стерпел Гурин, обрадовался и такой встрече, заулыбался Сигаенку. А тот не узнал Гурина, посмотрел на него удивленно, сказал что-то своим дружкам, те засмеялись.

«Не признал. У них своя компания... — загрустил Гурин. — Да и откуда ему меня признать?.. Когда это было!» В пятом классе Васька тогда учился, вон сколько прошло...

И опять позавидовал: «У них своя компания...»

Нахлынула грусть-тоска. Но тут же вспомнил Гурин напутствие рассудительного соседа — Неботова. Тот наставлял его:

— Главное, Васек, не давай себя грызть тоске-кручине. Эта зараза такая — вмиг съест. Поддашься ей — все беды потом тебя одолеют. А в первую очередь — воши. Дужа они почему-то уважают тоскливого человека. Заедят, гады!

Тогда Гурин только поежился от этих слов, усмехнулся недоверчиво, а сейчас вспомнил и почувствовал в них какой-то смысл. «В самом деле, не надо поддаваться унынию. Все идет, как должно быть. Все хорошо!»

А Алешка несся по большаку домой — только пыль пыхала из-под пяток. Пыль была мягкая, глубокая и теплая. За последнюю неделю дорога эта столько вынесла на своей спине, сколько не пришлось ей повидать, наверное, и за всю свою жизнь: немцы со своей техникой отступали по ней, вслед за ними прошла наша армия, а теперь вот еще колонны новобранцев. Толстым слоем лежит пыль на траве, на посадке — все пушисто-серое, обросло пылью, будто инеем. Когда шли танки, пыль сплошным облаком стояла до самого неба, солнце закрывала.

Бежит Алешка, несет весть матери — в Марьинке ночевать будут новобранцы.

В Марьинку пришли уже под вечер. Марьинка — село большое,

под стать иному городу. Улицы длинные, прямые, дома с красивыми наличниками на окнах утопают в буйных садах. Марьинка — районный центр, до войны славилась: марьинцы все время в передовиках ходили, о них часто в газетах писали.

Смотрит Васька по сторонам — вот она какая, эта знаменитая Марьинка. А народу — ни пройти ни проехать, будто Вавилон. Военных, новобранцев, провожающих — кого только нет, и все толкуются, туда-сюда снуют, кого-то ищут, друг у друга спрашивают, а никто ничего не знает — все ведь не здешние, марьинцев и не видно.

Васькину колонну привели к какой-то канцелярии, и тут их долго группировали, переписывали, пересчитывали, пока наконец Васька понял, что он в первом отделении первого взвода первой роты. Все первое, и это радовало почему-то Гурина, будто он был причислен к особому подразделению.

Уже в темноте их отвели на ночлег. Ужина для них не было, дали только жидкого теплого чая, поэтому питались своими запасами. Не зря, значит, в повестках предупреждали о харчах. Зато утром они уже получили не только завтрак, но и сухой паек на дорогу.

Еще раз построили, пересчитали и — шагом марш на запад...

Ваське казалось, что он давно-давно из дома и ушел так далеко, что здесь его уже никто и не найдет.

И вдруг на выходе из села слышит знакомый голос:

— Вася, сыночек!..

Оглянулся — мать с оклунком в руках, а рядом Алешка. У Алешки через плечо сетка с огромным арбузом. Улыбаются Ваське, машут, подожди, мол.

Обрадовался Гурин своим, но тут же поморщился недовольно:

— Ну зачем вы?.. И так нас уже ругают: смотрите, сколько теток кругом, сладу никакого нет... Идите домой.

Но мать не послушалась. Люди шли вслед за новобранцами, пошли и они с Алешкой. Арбуз изрядно накрутил Алешке руки, но он не жаловался, нес его терпеливо, делал вид, что совсем не устал.

На привале Гурин подошел к ним, снова стал умолять вернуться.

— Будьте хоть вы сознательными, — уговаривал он их. — Стыдно просто.

— Ладно, ладно... — отвечала ему мать. — Пусть мы будем несознательными... Вон сколько таких несознательных. Ты вот лучше поешь... Дорога дальняя, неизвестно еще, что впереди, — она разворачивала перед ним свои харчи.

— Нас кормили сегодня. Каша с американской тушенкой.

Вкусно! Если б знал, что вы придете, оставил бы попробовать. Нас уже рассортировали кого куда, по частям разбили,— и Гурин хотел похвастаться, что он в первом взводе первой роты, но смолчал — сохранил военную тайну. Однако подумал и решил, что своим кое-что можно сообщить.— Наша армия гвардейская и ударная!

— Ой боже мой! Не успел записаться — уже ударник! Съешь хоть ножку, хоть крылышко, ударник.

Василий засмеялся — «ударник!». Не поняла мать, о чем речь.

— Давайте арбуз съедим — пить охота, да и Алешке полегчает,— предложил он.

С радостью выпростал Алешка арбуз из сетки, сам принялся резать его. Кухонным ножом, прихваченным из дому, срезал верхнюю «крышку», отбросил в траву, с хрустом отхватил полу-круглую скибку с красной мякотью, покрытую, словно изморозью, белым налетом, протянул брату.

— Маме сначала,— сказал тот поучительно.

— Ешь, ешь...— запротестовала мать.— Тебе несли. У нас дома осталось, а тебе придется ли еще попробовать...

— Придется,— уверенно сказал Гурин.

И тут послышалась команда: «Становись!» Все засуетились, заторопился и Гурин.

— Ну вот, не дали и кавун доесть...— сокрушалась мать.— Ты сумку-то свою оставь нам, мы понесем. Хоть трошки подмогнем. Ты еще наносишься.

— Мама, вы же обещали вернуться?

— Дак и вернемся... Как люди, так и мы. Еще одну ночьку переночуем, а там видно будет.

Крякнул Гурин в ответ, махнул досадливо рукою, побежал в строй.

На другой день толпа провожающих заметно поредела, решили вернуться домой и Алешка с матерью.

— Ты ж письма пиши почаще, не ленись,— наказывала мать.— Завтра же и напиши, где ты, как, што с тобой — все-все описывай, не таи ничего.

— Ладно,— пообещал Гурин.

Текут серые колонны новобранцев по большаку, пыхает пыль из-под сотен ботинок, оседает тяжелым облаком на обочину.

Колыхается Васька в разноперой колонне новобранцев — народу много, а он один, но грусти не дает воли. Ест пот глаза, скрипит на зубах дорожная пыль, точит в пересохшем горле от жажды, но все терпит Гурин, не показывает вида, что устал, развлекает себя, чем может,— то невиданными им раньше роши-

цами, то диковинными чужими селами. Сколько их уже прошли а сколько еще впереди! Вот и область уже другая, и говор у теток иной — украинский, напевный, а вот наконец и большая станция со странным названием Пологи. Прошли через весь город, на окраине остановились надолго. Оказывается, догнали тылы своей армии. Тут стали новобранцев обмундировывать.

А мать дома ждала письма. Уже на другой день после возвращения начала выглядывать почтальона, а его с неделю еще и в помине не было: почта только-только налаживала свою работу. А мать стоит в воротах, ждет весточку. Может, не почтой, может, с кем-нибудь записку передаст... Нет, ничего нет.

Зашла как-то вечером провести их соседка Ульяна и в разговоре сообщила, что наши в Пологах будто бы стоят.

— А молчите?.. — обиделась мать. — Может, я уже и смоталась бы к Васе.

— «Молчите»... Рази ж знаешь, кому што надо.

— То-то чужое горе — не свое... А где ж они, те-то Пологи? Далеко?

— За Волновахой где-то... Далеко. Это уж совсем и область другая, — сказала Ульяна. — Гуляй-Поле там где-то...

— Да, далеко...

А Алешка уже нашел карту, разыскал Пологи, принес матери:

— Вот они... И совсем недалеко. Давайте я поеду.

— На чем «поеду»? — удивилась мать. — Ближний свет. Это по карте близко, а так попробуй... Марьинка где? А, вот она, под самым городом, а на самом деле?.. Отпусти и изнывай потом душой и за тебя? Усижу я дома? Нет, уж если ехать, так поедем вдвоем. Танюш, опять тебе домоседовать. А ты, Ульян, пригляди тут тоже, чтоб никто не обидел ее.

— Приглядим, приглядим... — быстро согласилась Ульяна.

— Поеду, — уже твердо сказала мать. — А то ведь правда: буду дома сидеть да душой изнывать. А так, может, бог даст еще раз сыночка повидать.

Собрались, поехали. На попутных солдатских машинах, на тормозных площадках, на крышах вагонов с трудом, а добрались-таки до станции Пологи. Раньше и не слышали такой, а тут пришлось побывать. Большая станция, только вся разбита. А войск — полно, и просто народу разного, таких, как Алешка с матерью, — тоже тьма-тьмушая. Все чего-то ищут, куда-то едут, идут, и никто ничего не знает. Да и как спрашивать — ни номера,

ни названия части, а просто: «Василия Гурина, такой и такой-то он, не встречали?» Найди иголку в сене!..

А они ищут. Станцию всю обшарили, по окрестным селам пошли — толкаются, спрашивают. Навострились — уже не Васю спрашивают, а марьинских да букреевских, которые из Марьинки прибыли. И нашли, сначала марьинских, а потом и Васю своего нашли. Опять же Алешка его нашел, привел к матери.

Она совсем из сил выбилась, сидела на траве у крайней хаты, а Алешка шнырял по селу, пока не встретил брата. Тому как раз обмундирование выдали, и они пришли к матери с этой обновой.

Мать сперва не узнала сыновей: Алешка был в новенькой пилотке и в накинутой на плечи длинной из зеленого английского сукна шинели. На Ваське — солдатские шаровары с настроенными треугольными наколенниками и незашнурованные солдатские ботинки. Шнурки и тесемки от шаровар болтались, и Гурин, чтобы не наступить на них, делал неестественно широкие шаги. В руках он держал белые портянки, обмотки, ремни, вещмешок и свои запыленные, со стоптанными каблуками туфли.

— Ой боже мой! Уже солдатскую одежду выдали! — всплеснула мать руками и бросилась целовать сына.

Тот был рад, что снова увидел своих, даже не ругал их, что пришли, а только удивился:

— И как вы нашли?

— Язык до Киева доведет, — сказала мать.

— До Киева будете провожать? — упрекнул он. — Я ж вам письмо послал — обо всем написал.

— Письмо письмом, а так-то лучше: повидаться, поговорить.

— Говорить долго не придется. Отпустили переодеться. Пришить подворотнички, погоны... Через час построение — будет смотр. И пойдем дальше. А вам придется возвратиться, на дорогах патрули, не пустят: прифронтная полоса.

— Вернемся, вернемся, не пугай уж. Как люди — так и мы. Ты нас еще из Марьинки гнал, а люди вон аж куда пришли. Вот видишь, мы игодились. А так куда б ты свою одежду дел? Выбросил бы? А костюмчик хороший еще, вернешься — на первое время сгодится. Да и ему вот, — кивнула на Алешку, — ходить не в чем... И куфаечка еще почти новенькая.

Гурин улыбнулся — конечно, хорошо, что они пришли. Вот только с обмотками никак не совладает. И шинель в скатку скатать не может, там старшина показывает, как это делается, а он возле мамки...

— Я пойду, мам. Вы тут посидите. Я еще, может, прибегу,